

Акад. В. В. Струве

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ВОЙНЫ УРУКАГИНЫ И ЛУГАЛЗАГГИСИ

Насколько мне известно, до сих пор еще никто не попытался установить ход событий войны между Урукагиной, царем-реформатором Лагаша, и Лугалзаггиси, бывшим первоначально патеси Уммы¹. В I томе нашей Всемирной истории (стр. 208) я впервые изложил данное весьма существенное событие в истории досаргоновского Шумера несколько более развернуто. В исследовании же прошлого года я попытался наполнить историю войны Урукагины и Лугалзаггиси еще более конкретным содержанием на основании нескольких моих наблюдений, а также наблюдений, сделанных другими исследователями². Теперь я снова обращаюсь к этой теме, так как за последнее время я сделал дополнительно несколько новых наблюдений, и мне придется ради получения цельного впечатления о ходе названной войны в настоящей моей работе повторить кое-что из сказанного мною раньше.

Я начну с положения, что война Лагаша с Уммой возникла еще в ранние годы царствования Урукагины. Причиной войны, очевидно, был тот факт, что во втором году своего правления Урукагина принял царский титул, что являлось официальным заявлением о намерении его играть ведущую роль в отношении соседних городов-государств, управляемых патеси. Патеси Уммы, северный сосед и вечный враг Лагаша, несомненно, должен был рассматривать и этот факт и реформы нового правителя Лагаша, умалявшие власть знатных и богатых людей³, как определенный вызов себе. Вражда между двумя соседними городами-государствами должна была скоро перерасти в войну, и я имею некоторое основание предположить, что военные действия между ними начались уже во вто-

¹ См. S. H. Langdon, САН, I, стр. 388; A. Moret, Histoire de l'Orient (серию «Histoire Générale»), т. I, 1936, стр. 347—348. Акад. А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, 1956, стр. 152, так мало учитывает события войны между Лугалзаггиси и Урукагиной, что он готов объяснить факт перевода «людей кормления» в шестом году царствования последнего на ежемесячное довольствие следующим образом: «такое изменение сроков выдачи находилось, по-видимому, в связи как с переменной заведующего хозяйством, так и с реформой всей системы выдач. Дело в том, что одновременно с увеличением числа сроков выдач сокращался размер самих выдач». Из этих слов автора явствует, что он совсем не принимает во внимание военную обстановку при объяснении изменения сроков выдачи довольствия «людям кормления».

² ВДИ, 1957, № 4, стр. 16 сл.

³ К определению социальной направленности реформ Урукагины см. пока «Всемирная история», АН СССР, т. I, стр. 207. Более детально я рассмотрю данную проблему в исследовании, посвященном переводу и комментарию всех дошедших до нас исторических надписей Урукагины.

ром году царствования Урукагины. Основанием для данного предположения является, по моему мнению, надпись так называемой «овальной пластинки», автором которой все исследователи признают Урукагину, хотя в сильно фрагментированном тексте этого памятника имя царя-реформатора не сохранилось⁴. Здесь на «овальной пластинке», как и в надписи конусов В и С от первого года царствования Урукагины, были перечислены злоупотребления, имевшие место в предшествующее время; однако злоупотребления, перечисленные на «овальной пластинке», не тождественны тем, которые описаны в текстах конусов В и С: здесь дополнительно перечислены другие виды злоупотреблений⁵, в том числе и такого характера, о которых в надписи первого года царствования ничего не говорилось⁶. Поэтому я полагаю, что надпись «овальной пластинки» должна быть датирована несколько более поздним временем, вероятнее всего вторым годом царствования Урукагины, когда интерес к злоупотреблениям, допущенным предшественниками, мог быть еще настолько сильным, что вызывал в памяти и дополнительные факты к отмеченным уже злоупотреблениям и такие их виды, которые ранее не упоминались.

Если же надпись «овальной пластинки» действительно относится ко второму году царствования Урукагины, то она может служить основанием для предположения, что уже тогда война между Лагашем и Уммой началась. И в самом деле, лишь при таком предположении может быть объяснено включение в данную надпись, посвященную деяниям Урукагины, изложения истории войны Энтемены с Уммой, которое является эксерптом из надписи Энтемены, составленной этим правителем Лагаша в ознаменование своей победоносной войны с Урлуммой, патеси Уммы⁷. Надо полагать, что предшественник Урукагины Энтемена, правивший лет за 25 до него, укрепил свое положение в борьбе с Уммой союзом с патеси Урука Лугалкинишудуду. Во всяком случае, он придавал этому событию столь большое значение, что посвятил ему ряд надписей на так называемых глиняных гвоздях, из которых до нас дошло пока шесть экземпляров⁸.

Из факта включения в надпись «овальной пластинки» эксерпта надписи Энтемены о его победоносной войне с Уммой можно сделать не только вывод о том, что война Урукагины с Лугалзаггиси уже тогда началась, но с немалой вероятностью и вывод о том, что сначала Лагаш вел войну с некоторым успехом: лишь в этом случае Урукагина стал бы включать в свою надпись рассказ о героических деяниях своего предшественника, полагая, что снова возвращаются для Лагаша славные дни Энтемены, победителя Уммы⁹. Соглашаясь с подобным толкованием надписи «оваль-

⁴ Единственным исследователем, подчеркнувшим отсутствие имени Урукагины в надписи «овальной пластинки», был S. N. Kramer, *Sumerian historiography* («Israel exploration fund», т. III, вып. 4), стр. 229, прим. 28. Надпись «овальной пластинки» издана F. Thureau-Dangin, *Découvertes en Chaldée. Partie épigraphique*, стр. L; транскрипцию и перевод см. о н же, *Die sumerischen u. akkadischen Königsinschriften*, Lpz, 1907, стр. 54—57. В моей работе об исторических надписях Урукагины я попытаюсь выявить те аргументы, которые говорят в пользу включения «овальной пластинки» в число эпиграфических памятников Урукагины.

⁵ Например, злоупотребление, упомянутое в надписи «овальной пластинки» стб. 1, 10—21, не тождественно злоупотреблению, отмеченному в конусе В и С, стб. III, 18—IV, 1. Оно является весьма существенным дополнением к последнему.

⁶ Так, связанное с семейным правом злоупотребление, отмеченное в надписи «овальной пластинки», не имеет своего соответствия в надписи конусов В и С.

⁷ Этот эксерпт заполнил конец III столбца и первой половины IV столбца. К переводу надписи Энтемены см. Kramer, *ук. соч.*, стр. 224—226.

⁸ O. Kükemann, *Miscellanea Orientalia*, «Analecta Orientalia», т. 12. Roma, 1935, стр. 200—201.

⁹ Если Урукагина включил бы в свою надпись изложение победы Энтемены, чтобы поддержать бодрость своих сторонников, поколебленную неудачами на войне, то он, конечно, построил бы надпись «овальной пластинки» несколько иначе, примерно так, как он построил надпись на табличке А.О.4598, о которой речь будет ниже.

ной пластинки», следует думать, что в разрушенной второй половине четвертого ее столбца вслед за изложением победы Энтемены шло описание успехов самого Урукагины. Завершением надписи являлось сохранившееся в ее пятом столбце перечисление построенных царем храмов¹⁰.

Предположение, что военные действия во втором году царствования Урукагины были удачными для последнего, поддерживается, как я полагаю, свидетельством документа хозяйственной отчетности DP 339, датированного четвертым годом Урукагины¹¹. Содержание этого любопытного документа следующее:

I. ₁ 1 Пузурмама, ₂ 1 Галбалаг, ₃ 1 Камбаэ, ₄ (принадлежащие) Шагшаг¹². ₅ У Анаму ₆ садовника ₇ они пребывают.

II. ₁ 1 Урлугалэдинна, ₂ 1 Меаннедуг, ₃ 1 Пусуэ, ₄ (принадлежащие) Гимбаба¹³. ₅ У Этур ₆ садовника

III. ₁ они пребывают. ₂ 1 Куку, ₃ 1 Сима, ₄ 1 Кинимусу, (принадлежащие) ₆ Гимтарсирсир¹⁴. ₇ У Лугалэнишэ сына Эгудда

IV. ₁ они пребывают. ₂ 1 Пузурмакуш¹⁵, ₃ 1 Абумбалаг, ₄ 1 Ураб, ₅ (принадлежащие) Аэнникиаг¹⁶.

V. ₁ У Урки ₂ садовника ₃ они пребывают.

VII¹⁷. ₁ Всего: 12 игинуду¹⁸, ₂ уроженцы¹⁹ города Уру-аз²⁰. ₃ Урукагина царь ₄ Лагаша ₅ Лагаша

VIII. ₁ из двorca давал им выходить²¹, ₂ для Шагшаг ₃ их давал²². Садовникам ₅ она²³ их распределила²⁴».

Из данного текста мы узнаем о судьбе 12 игинуду, т. е. рабов, перечисленных поименно, причем не все из этих имен являются шумерийски-

¹⁰ Надпись на «овальной пластинке» дышит спокойствием, хотя, надо полагать, что в ней упоминались и военные действия не только Энтемены, но и самого Урукагины.

¹¹ Этот текст был издан Allotte de la Fuye, Documents Présargoniques, вып. II, ч. 1, № 339. Он был транскрибирован и переведен R. Scholtz, Die Struktur der sumerischen engeren Verbalpräfixe, MVAG, 39, 2, 1934, стр. 62—63, и M. Lambert, RA, XLVII (1953), стр. 68. A. Demel, «Orientalia» (I ser.), 43—44 (1929), стр. 124, № 2, дал только транскрипцию. Акад. Тюменев, ук. соч., стр. 143, прим. 3, указывает лишь на то, что он содержит «список игинуду, принадлежавших дочерям Урукагины».

¹² Жена Урукагины.

¹³ Старшая дочь Урукагины.

¹⁴ Вторая дочь Урукагины. О ней речь еще будет ниже.

¹⁵ Может быть, последний знак *куш* в имени «Пузурмакуш» должен читаться иначе.

¹⁶ Имя сына Урукагины. Различные варианты написания его имени собраны Demel, ук. соч., стр. 125.

¹⁷ VI столбец таблички остался свободным от текста.

¹⁸ Буквальный перевод «глаз не поднимающий». Большинство исследователей видит в них рабов.

¹⁹ Буквально «дети».

²⁰ Буквально «город собаки». К значению слова аз «собака», «дикая собака» — см. A. Demel, Sumerisches Lexikon (далее SL), № 131, 2.

²¹ e-ta-è(d₃)-dè₃ является формой несовершенного вида, выражавшей часто многократное действие (см. В. В. Струве, Категория времени и замена идеограмм в шумерийском языке и письме, ВЛГУ, № 8, серия Истории языка и литературы, вып. 2, 1957, стр. 86 сл.).

²² tu-na-sum-ta, та же форма, что и вышеприведенная. Имя Шагшаг, жены Урукагины, имеет послелог дательного падежа.

²³ Как известно, шумерийский язык не знал грамматического рода, но я полагаю, что контекст требует в данном предложении считать, что имя жены Урукагины является здесь подлежащим.

²⁴ e-ne-ha-la «она им их распределила». Эта глагольная форма выражает совершенное действие. Очевидно, Урукагина в несколько приемов выдавал рабов из двorca своей жене, являвшейся управительницей и хозяйства своих детей, а она, получив в конце концов 12 игинуду, распределила их одновременным распоряжением между четырьмя садовниками. Садовником являлся, согласно свидетельствам других документов, и Лугалэнишэ, хотя он здесь садовником не назван.

ми²⁵. Поэтому является весьма существенным то обстоятельство, что в заключительной части документа указывается на место происхождения перечисленных рабов, а именно на город Уру-аз «Город собаки»²⁶. Последний упоминается в ряде надписей великого лагашского воителя Эаннатума, в качестве города, который был разрушен победоносным лагашским правителем, убившим при этом патеси этого города²⁷. По контексту этих надписей, к сожалению, трудно локализовать город Уру-аз. Они называют его после Уммы, Урука, Ура и Ларсы (?)²⁸, но наличие в нем, как мы выше видели, и шумерийского населения дает основание для его локализации не в самом центре Шумера, а где-нибудь на восточной окраине последнего²⁹.

Для нашего исследования локализация Уру-аз, пожалуй, и не столь существенна. Существенным является для меня факт, что данный город-государство был во время войны Эаннатума с Уммой на стороне врагов Лагаша. Врагом Лагаша город-государство Уру-аз был, очевидно, и в дни войны, которая велась в годы царствования Урукагины между Лагашем и Уммой. В результате удачных боевых действий войск Лагаша и имел место, надо полагать, новый разгром города Уру-аз и захват некоторого количества его населения, превращенного в рабов³⁰. Хотя и табличка DP 339 датируется, как мы видели, уже четвертым годом царствования Урукагины, но разгром города Уру-аз может быть отнесен тем не менее к несколько более раннему времени. Дело в том, что перечисленные 12 игинуду из Уру-аз были переданы сперва в царское хозяйство, в котором они несколько времени, несомненно, трудились. Передача их из царского хозяйства в хозяйство, управляемое царицей Шагшаг, не была единовременным актом, так как в документе применяются глагольные формы, выражающие многократное действие. Очевидно, что окончательное завершение процесса передачи могло затянуться вплоть до четвертого года царствования Урукагины, когда военное счастье уже начало изменять Лагашу.

Мы имеем даже основание предполагать, что уже в третьем году царя-реформатора военная ситуация стала складываться не в пользу Лагаша. Дело в том, что я имею некоторое право высказать догадку о наступлении в третьем году Урукагины события, существенно изменившего соотношение сил враждующих сторон. Этим событием был, как я думаю, союз Урука и Уммы, в результате которого Лугалзаггиси, патеси Уммы,

²⁵ Это наблюдение сделал S c h o l t z, ук. соч., стр. 62, прим. 3 к DP 339.

²⁶ Ср. название города Лагаша, означавшее «Место ворон».

²⁷ T h u r e a u - D a n g i n, SAKI, стр. 20 b, IV, 12—15; стр. 24 c, IV, 16—19; стр. 26 h, V, 4—5. В последней надписи упоминается лишь о разгроме города, но не об убийстве его патеси.

²⁸ K i - d i n g i r b a b b a «место бога солнца», что, казалось бы, можно было сопоставить с Ларсой, где солнечный бог преимущественно почитался. Возможность подобного сопоставления высказывалась в литературе, см. хотя бы E d. M e u e r, GdA, I³, 286.

²⁹ S c h o l t z, ук. соч., стр. 62, прим. 3 к DP 339, не может возвести некоторые из этих 12 имен ни к шумерийским, ни к семитским именам. Если это действительно так, то следует искать происхождение этих имен в области, смежной с Эламом.

³⁰ M. L a m b e r t, RAss, XLVII (1958), причисляет документ DP 339 к текстам, связанным с торговлей, но данный документ не упоминает ни о ценах, ни о тамкарах, которые пестрят в табличках, изданных тем же французским шумерологом (M. L a m b e r t, Textes commerciaux de Lagash, RAss, XLVII, стр. 57—69). Не могу я также согласиться с предположением автора, высказанным на стр. 66, что и документ Ник. 293 и две таблички берлинского Переднеазиатского музея, содержащие документы купли-продажи рабов, имеют отношение к торговле с Уру-аз. Дело в том, что в этих трех табличках Уру-аз не упоминается, а купля-продажа рабов могла иметь место не только в Уру-аз, но и в других городах Шумера, да и в самом Лагаше.

сын Укуша, патеси Уммы, объявил себя «царем Урука»³¹. Объединение Урука и Уммы являлось, несомненно, событием, чреватым тяжелыми последствиями для Лагаша. В самом деле, если до этого события «муж Уммы» не мог, очевидно, вторгнуться в пределы Лагашского государства, то теперь, после союза Урука и Уммы, враги Урукагины настолько усилились, что могли вторгнуться в пределы Лагашской области и могли тем самым заставить население ее, жившее вне города, искать спасения за стенами главного города.

О том, что в третьем году царствования Урукагины какие-то роковые события бросили свою мрачную тень на сознание руководящих кругов Лагаша, свидетельствует один любопытный текст, документ № 174 издания М. В. Никольского, на который обратил впервые должное внимание В. К. Шилейко в исследовании, не отмеченном, к сожалению, ни у нас, ни за рубежом³². На двух столбцах лицевой стороны названного документа перечислены различные жертвоприношения скотом и заключено отмечается некоторое количество ячменя³³. В четырех строках первого столбца оборотной стороны таблички перечисление жертвоприношений продолжается. Наряду с вышеуказанным ячменем отмечается здесь эммер. Затем называется учреждение, из которого были выданы эммер и ячмень³⁴. Список жертвоприношений заканчивается «восемью головами мужскими» и «тремя головами женскими», т. е. «восемью рабами» и «тремя рабынями»³⁵. С последней, пятой строки первого столбца таблички начинается заключительная, разъясняющая часть документа: «₅о долготедней жизни (II)₁ [Гим]тар[сир]сирра₂ бога Месанду ₃ оракул вопросив, ₄ оракулу принесла. III год»³⁷.

³¹ Свидетельством заключения союза Уммы и Урука в третьем году царствования Урукагины является тот факт, что уже в четвертом году царствования последнего урукиты, как мы увидим ниже, выступают врагами Лагаша.

³² В. К. Ш и л е й к о, Из Лихачевского собрания, «Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой», М., 1916, стр. 284—300. Здесь В. К. Шилейко исследует, наряду с указанным документом № 174, еще и два других документа того же издания, а именно №№ 17 и 300. Он сделал их предметом специального изучения, так как в них имелись налицо, по его мнению, «новые или малоизвестные данные, ведущие к более полному познанию эпохи» (ук. соч., стр. 284). В настоящей работе я остановлюсь лишь на последней части исследования В. К. Шилейки, посвященной документу Ник. 174 (ук. соч., стр. 288—290).

³³ Полный, дословный перевод таблички потребует весьма подробного комментария, который чрезмерноотяготил бы мое исследование. Поскольку же точный перевод текста не является необходимым для решения поставленной передо мной задачи, то я и ограничусь здесь лишь пересказом большей части текста таблички.

³⁴ Я полагаю, что *bar-gur* является названием учреждения, из которого выданы ячмень и эммер, а не личным именем.

³⁵ Так, совершенно закономерно, переводит *Deimel*, *Or.*, I сер., 26 (1927), стр. 28; ср. такое же обозначение рабов: 1 *sag-nita*, 2 *sag-mi* «1 раб, 2 рабыни» в документе DP 513, транскрибированном и переведенном *Lambert*, *RAss*, XLVII, стр. 60—61.

³⁶ Восстановив таким образом это полуразрушенное имя, В. К. Шилейко смог датировать изучаемую им табличку третьим годом Урукагины. А. Деймель, давший транскрипцию таблички (*Or.*, I сер., 26, № 24, стр. 9), также восстановил здесь «Гимтарсирсир», но тем не менее считал (там же, стр. 28, в комментарии к табличке) Гимтарсирсир дочерью Лугаланды, а не Урукагины, хотя о п ж е, *Or.*, I сер., № 43—44 (1929), стр. 125, вполне правильно называет Гимтарсирсир второй дочерью Урукагины. Деймель мог бы датировать табличку правлением Лугаланды лишь в том случае, если бы он данное полуразрушенное имя восстановил «Уртарсирсир», т. е. именем сына Лугаланды, но условия лакуны не говорят в пользу подобного восстановления.

³⁷ Я цитирую перевод В. К. Шилейки. Перевод, который предложил А. Деймель (ук. соч., стр. 28), несколько отличается от него, но и немецкий шумеролог признает, что речь идет о жертвоприношениях богу Месанду ради продления жизни Гимтарсирсир.

Бог Месанду, о котором здесь идет речь, упоминается часто в списках богов, получавших жертву³⁸, а также и в так называемых «текстах-гар»³⁹. Текст, датированный шестым годом Лугаланды, свидетельствует о наличии закрома бога Месанду⁴⁰. Следует отметить, что последний получал особенно обильные жертвы в годы правления Лугаланды. Урукagina уже в пятом месяце года своего патесиата их сократил⁴¹. Дочь Урукagina Гимтарсирсир принесла богу Месанду богатейшие жертвы, но это было разовое жертвоприношение, обусловленное желанием царевны получить оракул. Надо полагать, что Месанду являлся тем богом, который давал оракул и благодаря этому пользовался и в дальнейшем почетом, хотя, казалось бы, он не упоминался в текстах Лагаша среди богов, игравших выдающуюся роль⁴².

В. К. Шилейко поставил при изучении этого документа существенный вопрос о причине вопрошения царевны Гимтарсирсир оракула у бога Месанду о продлении дней ее жизни. На этот вопрос В. К. Шилейко предложил следующий ответ: «какое-то общественное бедствие, быть может неудачная война, или, еще вернее, эпидемия заставили дочь Урукagina призадуматься о близком конце»⁴³. Остроумное предположение об эпидемии в Лагаше как причине боязни царевны за свою жизнь, кажется мне весьма вероятным. В самом деле, бежавшее из обласги под защиту городских стен Лагаша население должно было жить здесь в ужасающих условиях. Вспомним описание Фукидидом скученности населения Атики, искавшего спасения за стенами Афин от ужасов вторжения пелопоннесских войск. «Когда они (т. е. беженцы) явились в Афины, то помещений там нашлось только для немногих; кое-кто нашел приют у друзей или родственников. Большинство же афинян поселилось в городских пустырях, во всех святинях богов и героев, за исключением расположенных на акрополе и Элевсиния, а также некоторых других, крепко запертых святилищ. Под давлением теперешней нужды заселен был даже так называемый Пеларгик, лежавший у подошвы акрополя и необитаемый в силу заклятья»; «Многие устроились в крепостных башнях и вообще, где и как могли: город не мог вместить в себе всех собравшихся; впоследствии они заняли даже длинные стены, поделивши их между собою, и большую часть Пирея»⁴⁴. В результате чрезмерной скученности населения и начала свирепствовать страшная болезнь, описанная Фукидидом в главах 47—53 II книги его труда. Очевидно, подобная же эпидемия возникла и в переполненном Лагаше, что и вызвало у царевны Гимтарсирсир опасения за свою жизнь. О событиях, следовавших за третьим годом царствования Урукagina, свидетельствует весьма любопытная фрагментированная надпись, которая была раскопана в городище Телло и издана Ф. Тюр-Данженом в 1910 г.⁴⁵ Я попытаюсь дать интерпретацию этого фрагментиро-

³⁸ См., например, DP 62, I, 7; Ник. 23, VII, 7; Ник. 26, V, 1 и др.

³⁹ Например, DP 152, V, 3; Ник. 62, V, 16 и др.

⁴⁰ Издание W. F ö r t s c h, *Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalandas und Urukaginas*, № 85, IV, 2.

⁴¹ D e i m e l, *Op.*, I сер., 32, стр. 72. Здесь же приведены и различные варианты написания имени этого бога.

⁴² Согласно заманчивому предположению Д е й м е л я (ук. соч., стр. 72), имя месяца «Месанду», встречающееся в текстах эпохи Аккада, должно быть сопоставлено с именем бога Месанду.

⁴³ Ш и л е й к о, ук. соч., стр. 289.

⁴⁴ Ф у к и д и д, II, гл. 17. Я следую переводу Ф. Мищенко — С. Жебелева, Изд. Сабашниковых, М., 1915.

⁴⁵ Она была издана в большом труде G. S t o s, *Nouvelles fouilles de Tello*, P., 1910, стр. 213—215, с автографией, транскрипцией и переводом. Образцовая автография Ф. Тюр-Данжена может заменить оригинал. Надпись, известная под № А. О. 4598, увековечена на предмете из обожженной глины с округлой поверхностью, определяемом Тюр-Данженом, правда, с вопросительным знаком, в качестве конуса.

ванного текста, положив в основу перевод его, предложенный Ф. Тюр-Данженом, и учитывая замечания других исследователей⁴⁶, а также и мои наблюдения, сделанные при изучении его.

От текста сохранились лишь три фрагментированных столбца, но тем не менее его содержание и при столь плачевном состоянии сохранности оказывает историку, как мы увидим ниже, существенную помощь при установлении тех событий, которые заполняли последние годы царствования Урукагины. Начало и конец всех трех столбцов надписи отбиты, последняя строка начальной лакуны первого столбца упоминала, очевидно, богиню Нанше, которой были посвящены благочестивые деяния царя, описанные в сохранившейся части столбца.

I_{x+1} [^d Nanše-ra]	I_{x+1} [Богине Нанше]
x+2 i_7 Sirara ^{kl} gin-a ⁴⁷	x+2 Канал, в место Сирара идущий,
x+3 al-mu-na-du ₃ ⁴⁸	x+3 он вырыл.
x+4 ka-ba	x+4 У устья его
x+5 é-ninnu ⁴⁹	x+5 (храм) Эннину
x+6 [i]-du ₃	x+6 он построил.
x+7 [k]un-ba ⁵⁰	x+7 У водосма его
x+8 [é]-sirara ₃ [^{kl}]-šum	x+8 храм Сирарашум
x+9 [i]-du ₃	x+9 [он по]строил
x+10 . . . . . ⁵¹	x+10 . . . . .
II x_{+1} ul ⁵² u ₃ ⁵³ -šu-mú-[mú] ⁵⁴	II x_{+1} роскошные (жертвы), моления
x+2 ud u-kam-ma-ka	x+2 в десятый день
x+3 ba-šag ₅ -šag ₅ -ge ₉ -éš ⁵⁵	x+3 были выполнены.

⁴⁶ На текст А. О. 4598 обратили свое внимание: Тураев, ук. соч., т. I, стр. 86; В. К. Шлейко, Вотивные надписи шумерийских правителей, 1915, стр. XXI, прим. 7; E. Sollberger, Le système verbal dans les inscriptions «royales» présargoniques de Lagas, Genève, 1952, стр. 92, прим. 1, и M. Lambert, RAss., XLVIII (1954), стр. 92.

⁴⁷ «Канал в место Сирара идущий», т. е. текущий в священный город богини Нанше, упоминается и в надписи Урукагины на цилиндре А (III, 6) и в его же надписях на цилиндрах В и С (XII, 39).

⁴⁸ Та же форма глагола применяется при описании сооружения канала и в надписи цилиндра А, III, 7.

⁴⁹ Это название храма бога Нингирсу означает в буквальном переводе «дом пятидесяти», т. е. числа, священного богу Энлилю, отцу бога Нингирсу. В качестве отца главного бога Лагаша Энлиль и выдвигает в надписи на сталагмитовом сосуде, раскопанном в Ниппуре, Энтемену из 3600 человек в правители Лагаша. На чрезвычайную близость Нингирсу и Энлиля указывает факт связи первого со священным числом Энлиля «пятьдесят».

⁵⁰ Тот бассейн, в котором скапливались воды наводнения.

⁵¹ Эта строка почти совсем исчезла. В конце ее сохранился лишь маленький горизонтальный клин. Затем следует лакуна.

⁵² К слову ul см. Deimel, SL, № 441, 2, 4, 5, 6, 7, 11, 14.

⁵³ u₃ лишь в текстах эпохи III династии Ура засвидетельствован со значением союза «и», «также» (см. SL, № 455, 2). Поэтому, надо полагать, мы имеем здесь префикс u₃, образующий имена существительные, подобно ñig₂, nam и т. д. (см. SL, № 455, 28).

⁵⁴ Я полагаю, что расположение и написание сохранившихся знаков требует восстановления знака mú. К глаголу šu-mú-mú см. SL, № 354, 203 и A. Falkenstein, Grammatik der Gudea-Texte, т. I, § 37, стр. 124. Sollberger, ук. соч., стр. 159, № 356, прим. 4, предлагает для всей данной строки чтение ul-ú-š₁₀-in, соответствующее фонетическому написанию слова ulušin, означавшему «пиво из эмера». Интерпретация, предложенной швейцарским шумерологом, противостоят следующие две трудности. На первую он сам указал, а именно, что чтение š₁₀ для знака š₁₀ («рука») не засвидетельствовано. Вторым затруднением является то обстоятельство, что последний знак строки, согласно автографии Тюр-Данжена, не соответствует написанию знака in. Указанный знак был Тюр-Данженом безоговорочно отождествлен со знаком SAR, читаемым также и m₆.

⁵⁵ Я следую интерпретации Тюр-Данжена, поддержанной Sollberger, ук. соч., стр. 159, № 356.

x+4 $\tilde{g}á-c$ a-na bí-tug ⁵⁶	x+4 «Я, что я сделал?»
x+5 c-na-dug ⁵⁷	x+5 Я ему сказал.
x+6 $\tilde{n}ig-á-zig-šè$ nu-aka ⁵⁸	x+6 «Для зла ⁵⁹ я не действовал».
x+7 ur ⁶⁰ ud-da	x+7 Враг (же) днем,
x+8 $[g_{e6}^{61} u]ru-gu_{10}$ [da e-ná] ⁶²	x+8 [ночью у го]рода моего [поко]птся».

III_{x+1} . . . . .⁶³ III_{x+1} . . . . .

x+2 gir-zu ^{ki}	x+2 Гирсу
x+3 $[e]-ma-da_5$ ⁶⁴	x+3 он засадил (воинами).
x+4 Uru-ka-gi-na-gé	x+4 Урукагина
x+5 tukul e-da-sig ⁶⁵	x+5 сразился ⁶⁶ .
x+6 $bád-bi \dot{i}-ni-mú$ ⁶⁷	x+6 Стену его (т. е. Гирсу) он возвысил.
x+7 ur $\dot{i}-ni-til$ ⁶⁸	x+7 Враг остался там живым,
x+8 uru-ni-šè ba-túm	x+8 в город свой он вернулся
x+9 2-kam-ma-ka	x+9 Во второй раз
x+10 $[mu]-gin$ ⁶⁹	x+10 он [ве]рнулся

⁵⁶ Я следую интерпретации Тьюро-Данжена. См. Sollberger, ук. соч., стр. 156, № 344.

⁵⁷ Очевидно, Урукагина обращается к великому богу Лагаша, к богу Нингирсу.

⁵⁸ Подобно Sollberger (ук. соч., стр. 137, № 264), я нахожу здесь продолжение речи Урукагина, так как в дальнейшем упоминается «мой город».

⁵⁹ Буквально: «к злу».

⁶⁰ Подобное написание слова ur «враг» засвидетельствовано. См. примеры его в ŠL, № 575, 14.

⁶¹ Восстановлено мной на основании контекста.

⁶² Сохранившийся конец знака мог бы быть условно отождествлен с верхним концом знака ná. Если последний заполнял большее место строки, чем я предполагаю, то послелог -da, мной восстановленный, должен быть удален. Вполне же уместный здесь послелог -e не имел бы своей графической реализации, так как предшествующее слово оканчивалось гласной.

⁶³ Здесь сохранились лишь неясные следы какого-то неопределенного знака.

⁶⁴ Следую чтению Sollberger, ук. соч., стр. 92, прим. 1, и Lambert, ук. соч., стр. 92. Слово da_5 может иметь значение, согласно ŠL, № 132,6, «устанавливать», «сажать». Правда, это значение сопровождается Деймелем вопросительным знаком, но Lambert, RAss, XLVIII, стр. 90, принимает безоговорочно это значение для глагола da_5 .

⁶⁵ Перевод, который предложил Sollberger, ук. соч., стр. 92, прим. 1, следующий: «Урукагина был разбит оружием». Этот перевод не может быть принят, поскольку послелог -e не следует за подлежащим пассивной конструкции глагола.

⁶⁶ Буквально: «оружием ударил».

⁶⁷ Глагол $mú$ означает «строить» (ŠL, № 152, 39), и Lambert (ук. соч., стр. 92) и Sollberger (ук. соч., стр. 92, прим. 1) использовали это значение для своей интерпретации. Ламбер перевел «он более возвысил стену», а Зольберже: «он дал вырасти стене». Для своей интерпретации они должны были бы сослаться еще на свидетельство одной из берлинских табличек (VAT 4753) от четвертого года Урукагина, изданной Деймелем (Or, I ser., № 2, стр. 14). Здесь перечислен ряд лиц, которые были обязаны принять участие в строительстве «стены богини Баба». Очевидно, в результате военных неудач требовалось срочно укрепить систему обороны столицы. В моем исследовании «Интерпретация документа № 19 издания М. В. Никольского» (ВДИ, 1957, № 4, стр. 17) я перевел данное предложение: «Стена его (т. е. Гирсу) сверкала (оружием)». Глагол $mú$ имеет также значение «сиять», «сверкать» (ŠL, № 152, 40), но, учитывая свидетельство вышеуказанной берлинской таблички, я принимаю перевод, предложенный Ламбером и Зольберже.

⁶⁸ Буквально: «враг был жив там». Зольберже и Ламбер видели в содержании этой строки имя собственное Урнинтил (Зольберже) или Ташвинтил (Ламбер). В ВДИ, 1957, № 4, стр. 17 я еще был согласен с интерпретацией двух указанных исследователей и видел здесь также имя собственное, имя военачальника враждебного Урукагине войска.

⁶⁹ Таким образом, Е. Зольберже и М. Ламбер весьма существенно дополнили интерпретацию текста, предложенную Тьюро-Данженом в 1910 г.

События, нашедшие свое отражение в сохранившейся части этой столь разрушенной надписи, связаны с той войной, которую пришлось вести царю-реформатору Лагаша с соседними городами-государствами. Текст сообщает о таких существенных фактах, как вторжение врага в область Лагаша, о сражении с ним войска Урукагины, об отступлении врага в свой город и, наконец, о новом наступлении его на Лагаш; все эти события изложены в самой надписи без указания тех лет царствования Урукагины, которыми они должны быть датированы, но уточнение их хронологического определения тем не менее возможно. Дело в том, что, согласно наблюдению М. Ламбера⁷⁰, два документа хозяйственной отчетности из архива храма богини Баба, датированные временем Урукагины, также свидетельствуют о вторжениях врагов в область Лагаша. В первом из них, датированном четвертым годом царствования Урукагины, сообщается об осаде «города», т. е. Лагаша, «мужем Урука»⁷¹. Поскольку в документе определяется момент месячной выдачи зерна скоту временем осады врагом столицы Урукагины, то, по-видимому, можно сделать вывод, что первое вражеское вторжение в область Лагаша, засвидетельствованное изученной нами надписью А. О. 4598, надлежит датировать четвертым годом Урукагины. В таком случае вторичное вторжение неприятеля, о котором также сообщала, как мы выше видели, указанная надпись, следует отнести к пятому году царя-реформатора. Данный вывод становится несомненным, если привлечь свидетельства второго из вышеназванных документов хозяйственной отчетности храма богини Баба, датированного шестым годом Урукагины⁷². Здесь некая хозяйственная операция определяется во времени третьим вторжением «мужа Урука». Из данной же датировки третьего вторжения устанавливается с несомненностью, что второе вторжение «мужа Урука» имело место в пятом году Урукагины. Путем сопоставления свидетельства надписи А. О. 4598 со свидетельством двух документов хозяйственной отчетности от четвертого и шестого годов Урукагины выявляется, таким образом, весьма существенный факт, что в течение трех лет, в четвертом, пятом и шестом годах царствования Урукагины, область Лагаша становилась жертвой вторжения врага. Установление этого важного факта должно быть со всей серьезностью учтено исследователем архива документов хозяйственной отчетности храма богини Баба времени Урукагины, так как военные действия, имевшие место на территории Лагаша в течение трех лет, не могли не отразиться на хозяйственной жизни этого города⁷³. Установив датировку событий, нашедших свое отражение в надписи А. О. 4598, надлежит остановиться на вопросах о цели составления надписи и о том, каково было содержание несохранившегося конца этого фрагментированного текста.

Уже первоиздатель надписи Ф. Тюрю-Данжен сопоставил содержание той строки надписи (II, x + 6), в которой Урукагина заявляет «для зла я не действовал», с подобным же утверждением писца, сторонника Урукагины, в его известной элегии о разрушении области Лагаша. Автор элегии заявляет: «Грех (со стороны) Урукагины, царя Гирсу, не существ-

⁷⁰ Я указал на это уже в ВДИ, 1957, № 4, стр. 16—17.

⁷¹ Это документ DP 545. См. сказанное мной в ВДИ, 1957, № 4, стр. 17.

⁷² Это документ Ник. 227, датированный, правда, лишь шестым годом без указания имени правителя, но см. мою аргументацию в пользу датировки документа временем Урукагины в ВДИ, 1957, № 4, стр. 17, прим. 80.

⁷³ В моем исследовании в ВДИ, 1957, № 4, стр. 3 слл. я попытался показать, как военные события нашли свое отражение в некоторых из документов указанного архива, но, конечно, это только начало такой работы. Надлежит изучить весь комплекс названных документов и с этой точки зрения, и результаты изучения оправдают, несомненно, затраченный труд.

вуст, но (со стороны) Лугалзаггиси, патеси Уммы. Пусть богиня его Нисаба несет этот грех на своем челе»⁷⁴. Поэтому Б. А. Тураев, касаясь надписи А.О.4598, следующими словами определил цель составления ее: «Один из найденных в Теллохе обломков дает нам и образец размышления над вечной проблемой о невинном страдальце. Современник Урукагины спрашивает, почему благочестивый царь «был побежден», — ведь он „выкопал канал для богини Нины у ее города, у его устья он выстроил Энину..., а у его резервуара храм Сирара-Шум... 10 дней приносились жертвы. Он говорит: „какой грех я совершил?“ Он не совершил греха»⁷⁵.

Несмотря на всю соблазнительность толкования надписи А.О. 4598, предложенного Б. А. Тураевым, я не думаю, что последняя является литературным памятником, связанным с проблемой о невинном страдальце. Дело в том, что этому толкованию противоречит правильный перевод строки $x + 1$ III столбца надписи, из которого следует, что Урукагина «не был разбит», но «оружием ударил» «сразился»⁷⁶, а из дальнейшего текста мы узнаем, что результатом этого сражения было не поражение, а скорее победа Урукагины, поскольку его враг отступил к своему городу.

Я готов предположить, что надпись завершилась изложением событий, связанных со вторым наступлением врага, которое, как мы теперь знаем, также не имело успеха. Очевидно, согласно тенденции надписи, благочестивые деяния Урукагины и отсутствие у него «зла» имели для него благоприятные последствия. Надпись могла быть составлена по повелению самого Урукагины, чтобы поднять мужество его сторонников и утешить его противников внутри Лагаша указанием на то, что боги к нему действительно благорасположены и в конечном итоге даруют ему победу.

Не принесло победу над Урукагиной и третье наступление его врагов, продолжавшееся месяц, судя по свидетельству вышеупомянутого документа хозяйственной отчетности от шестого года царя Лагаша: здесь некая хозяйственная операция датируется «месяцем, когда муж Урука (был) в третий (раз) пришедшим»⁷⁷.

Как известно, катастрофа наступила для Урукагины в седьмом году его царствования. Надо полагать, что четвертое наступление Лугалзаггиси на Лагаш увенчалось успехом в результате измены в лагере Урукагины, а именно, отпадения от последнего восточной части его государства, области Нинмар с ее населением, закаленным в борьбе с воинственными племенами Элама. Лугалзаггиси, используя измену города Нинмар, главного города восточной части государства Лагаша, заставил капитулировать Урукагину, но вместе с тем разрешил ему свободный отход из крепости Гирсу⁷⁸. Подобная уступчивость Лугалзаггиси по отношению к побежденному врагу, была, очевидно, обусловлена тем, что над

⁷⁴ Thureau-Dangin, SAKI, стр. 58, обор. III, 6 — IV, 3.

⁷⁵ Тураев, ИДВ, I, стр. 86.

⁷⁶ Б. А. Тураев и не мог тогда дать правильный перевод указанной строки надписи, поскольку активная конструкция соответствующего предложения была установлена позже. См. выше. прим. 65.

⁷⁷ См. ВДИ, 1957, № 4, стр. 17. Конечно, уже в конце пятого царствования Урукагины экономика Лагаша в сильнейшей степени пострадала в результате двух вторжений врагов (см. A. Deimel, Op., I сер., № 32, 1928, стр. 48 и 75).

⁷⁸ Deimel, Op., I сер., № 2, 1920, стр. 3, первый внес ясность в ситуацию, сложившуюся в последний, седьмой год Урукагины. Я склонен думать, что его предположение о тождестве Урукагины, царя-реформатора Лагаша, с Урукагиной, сыном Энгильса, надписи Маништуу надлежит принять.

ним самим нависла угроза войны с Саргоном, царем Аккада, и ему пришлось срочно готовиться к отражению войск последнего. Поэтому Лугалзаггиси не мог дожидаться безоговорочной капитуляции Урукагины, но сохранил ему жизнь. В Лагаше же он, конечно, отменил все мероприятия, проведенные царем-реформатором, а затем сделал столицей государства Лагаша город Нинмар, которому он был обязан конечной победой над Урукагиной. Когда Саргон Аккадский обрушился на Лугалзаггиси и разгромил города-государства Шумера, то он расправился и с Лагашским государством, но столицей его он называет в своей триумфальной надписи не Лагаш или Гирсу, а Ё-Nin-mar^{ki}: «Дом Нинмар он разгромил, его стену он разрушил и его область, от Лагаша до моря, он разгромил. Свое оружие в море он омыл»⁷⁹.

Таковы были основные вехи войны между царем-реформатором Урукагиной и Лугалзаггиси, которые во всем своем объеме не были еще отмечены ни в одном из трудов по истории древнего Востока.

---

⁷⁹ А. P o e b e l, Historical texts (University of Pennsylvania. The University Museum. Publications of the Babylonian Section, т. IV, № 1), стр. 174, стб. I, 48—56.

